

Выступление в прениях адвоката Герасимовича С.А. в защиту интересов обвиняемого по ч. 4 ст. 111 УК РФ

Уважаемые присяжные заседатели!

Окончилось судебное следствие по обвинению Н. в совершении преступления, предусмотренного ч.4 ст.111 УК РФ, - в причинении тяжкого вреда здоровью человека, повлёкшего по неосторожности смерть потерпевшего.

Считаю, что основные тезисы обвинения не нашли однозначного подтверждения исследованными в вашем присутствии доказательствами.

Никакой неприязни у Н. к В. не возникало. Никаких ссор между ними никто не слышал. То, что они были друзьями никем не опровергнуто. Мало того, Н. заботился о В., то есть проявлял положительные человеческие качества, что исключало возможность причинения физического вреда.

Н. твёрдо говорит, что он не наносил ранений В. ни в область шеи, ни в область живота. Где и как это случилось, никому не известно, ни Н., ни сам В. ничего пояснить не смогли.

Сторона обвинения исходит из того, что если ранение в область шеи было обнаружено у В. утром в комнате, в которой вместе с ним находился Н., и если В. из квартиры Н. отравился к себе домой, где у него было обнаружено ранение в области живота, то во всём виноват Н. Это выглядит вполне логичным. Также, по-видимому, рассуждал и В., анализируя события трёхмесячной давности.

Но эта логика не является «железной», поскольку основана не на фактах, а на отсутствии таковых.

Между тем, предположение Н. о том, что ночью в его комнату заходил посторонний, вполне согласуется с результатами дактилоскопической экспертизы, согласно выводам которой, на одном из предметов, находившихся в комнате, а именно: на стакане или бутылке из под кваса, обнаружены следы руки, не принадлежащие ни подсудимому, ни потерпевшему, а иному лицу.

Кроме того, я хотел бы обратить ваше внимание на то, что когда М. (свидетель) утром пришёл к В., и он, и Н. увидели только рану в области шеи и следы крови на футболке В., ранения в области живота у него никто не видел.

После того, как В. покинул квартиру Н. прошло несколько часов, прежде, чем у него было обнаружено ранение в области живота. Где всё это время находился В., неизвестно.

Согласно записям в карте выезда Скорой медицинской помощи в графе «жалобы» записано следующее: «со слов родственников – привели друзья, лежал в ближайшем сквере, что произошло отказывается пояснять».

Кто из родственников конкретно это говорил, неизвестно. Д. (потерпевший) не помнит, спрашивали ли сотрудники скорой помощи у него что-либо. Тем не менее, сведений о том, что кроме него в тот момент присутствовали другие родственники, нет. А запись в карте выезда есть.

Таким образом, по окончании судебного следствия для меня лично остались невыясненными три вопроса:

Приходил ли в комнату Н. ночью кто-то третий?

Была ли у В. рана в области живота, когда он уходил от Н.?

Где и с кем В. находился после ухода от Н. до приезда бригады Скорой медицинской помощи?

Теперь я хотел бы проанализировать некоторые исследованные нами доказательства.

В судебном заседании был допрошен потерпевший Д. У него двойственное положение. С одной стороны, он должен без какой-либо предвзятости свидетельствовать о событиях, которые имели место в прошлом, больше года тому назад. С другой стороны, он после смерти брата был признан потерпевшим, и в настоящем процессе поддерживает обвинение наряду с прокурором. Но нужно понимать, что на события, которые были в мае, наложились как последующие события, в том числе, смерть В., так и ситуация противостояния между сторонами в суде.

Д. не является очевидцем преступления. Но, судя по его показаниям, предубеждение к Н. у него возникло задолго до того несчастного дня, ведь он возражал против общения брата с Н., не пускал его в квартиру, им приходилось разговаривать через окно.

Для нас принципиальное значение имеют показания Д. о том, что ему говорил В. об обстоятельствах получения им ранений. И здесь, я думаю, вы уловили разницу между тем, что говорил Д. следователю, уже после того, как он проводил брата в больницу, и тем, что он сказал вам здесь.

Бессмысленно выяснять, почему Д. не подтвердил свои показания, данные следователю, а именно: «Когда я навещал В. в больнице, то снова пытался выяснить у него, что с ним произошло, но он мне ничего не отвечал». Эти слова противоречат версии стороны обвинения, которую он сейчас поддерживает.

И вообще, его показания по большей части являются не информацией о фактах, а его мнением. Ну никак не мог он знать, кто и когда носил шорты, найденные под окном квартиры Н., и чья на них была обнаружена кровь, до того, как он ознакомился с результатами экспертиз.

Я не склонен обвинять Д. в какой-либо предвзятости к моему подзащитному. Он потерял близкого человека. Сейчас он видит Н. на скамье подсудимых. Его желание возложить на него вину за смерть брата вполне естественно.

Зато первоначальные показания Д. вполне согласуются со сведениями, которые до вас донесла свидетель П. А именно то, что В. сказал ей во время посещения в больнице, что у него к Н. нет претензий.

В судебном заседании был допрошен свидетель М.

В части описания событий показания М. выглядят вполне правдоподобно, но только до того момента, когда они с В. покинули квартиру Н. Я думаю, что вы тоже обратили внимание на их фрагментарность.

Некоторые неточности в деталях, а именно: с какой стороны у В. на шее была рана, в чём был одет Н. можно было бы объяснить тем, что по признанию самого М. у них был «бурный» вечер.

Но основная нестыковка, которая бросается в глаза, заключается в том, что М. пытается «подтянуть» время, говоря, что он с В. ушёл от Н. в 13 часов дня. Между тем, как свидетель А. пояснила, что они ушли немногим после 11 часов утра.

М. говорит, что от Н. он с В. пошёл домой, а это практически через два подъезда. И что сразу вызвал скорую помощь.

Однако факты говорят сами за себя: согласно карте выезда, вызов поступил в 15 часов 38 минут.

Где и с кем был В. с 11 утра до полчетвёртого дня, М. умолчал.

Что касается косвенного свидетельства М. о том, что якобы В. говорил о том, кто причинил ему ранение, то в вашем присутствии мы уточнили эти обстоятельства на основании свидетельских показаний М., которые он дал следователю.

М. подтвердил свои слова о том, что по пути в больницу В. сказал, что «это совершил Н., так как кроме него и Н. в комнате больше посторонних не было».

Я надеюсь, что вы понимаете разницу между непосредственным свидетельством о событиях и умозаключением. Переданная М. фраза В. – это рассуждение: если больше никого не было, кроме нас двоих, то значит это сделал он.

В судебном заседании были допрошены сотрудники полиции.

Из них только показания Ч. имеют доказательственное значение: он увидел В. в 15 час. 40 мин. и подтвердил, что именно в тот момент, когда приехала Скорая помощь, у него обнаружилась рана в области живота. Также Ч. был непосредственным свидетелем того, как Н. выбросил в окно нож и шорты.

В остальном свидетельства сотрудников полиции носят характер пересказа сведений, полученных от других лиц.

В судебном заседании допрашивались соседи Н. по квартире.

Свидетель Р. сказал, что ночью они с женой спали, дверь в их комнату была закрыта. Он вернулся домой после 12 часов дня, Н. был дома, а его друга В. уже не было.

Свидетель А., скорее всего, ошиблась в том, что именно в этот день Н. ходил по квартире в шортах. Как вы понимаете, эти шорты в тот момент были испачканы кровью, и она не могла бы этого не заметить, увидев эти шорты на Н.

Но самая важная информация, которую сообщила свидетель А., это то, что когда В. уходил из квартиры Н., она не заметила на его теле никаких повреждений.

Уважаемые присяжные заседатели!

Сторона обвинения представляя Вам доказательства, сделала упор на то, как Н. повёл себя по прибытии сотрудников полиции.

Да, действительно, он попытался избавиться от предметов, со следами крови. Заметьте, и своей крови тоже. Увидев сотрудников полиции в окно, он связал их визит с тем, что утром видел кровь на шее и футболке В. Испугавшись того, что его могут обвинить в том, чего он не совершал, он выбросил предметы, которые могли указать на то, что в его комнате был ранен В.

Да, действительно, он не хотел, чтобы сотрудники полиции обнаружили в его квартире иностранных граждан, и, поэтому, закрыл их в комнате.

Но Н. эти обстоятельства не оспаривает. Какой смысл доказывать то, что признаёт другая сторона?

По-видимому, сторона обвинения таким образом пытается компенсировать отсутствие достоверных сведений о том, где и с кем находился В. в течение 4.5 часов: с 11 часов утра до полчетвёртого дня.

Уважаемые присяжные заседатели!

В судебном заседании исследовалось заключение комиссии судебно-медицинских экспертов. Государственный обвинитель озвучил выводы экспертов.

Сторона защиты обратила ваше внимание на сведения, содержащиеся в медицинских документах, на основании которых эксперты сделали свои выводы.

Согласно записям в медицинской карте В. поступил с проникающим колото-резанным ранением брюшной полости и резанной раной передней поверхности шеи. Были осложнения в виде несостоятельности швов тонкой кишки, гнойного перитонита, вторичного заживления раны передней брюшной стенки. На 82-й день был выписан в удовлетворительном состоянии, послеоперационная рана активно гранулировалась, отделяемого в ране не было.

Согласно записям в медицинской карте В. поступил с жалобами на отделяемое из области послеоперационного рубца.

Для разъяснения заключения судебных медиков в судебном заседании был допрошен эксперт Х.

На мой взгляд суть показаний судмедэксперта сводится к тому, что проникающее колото-резанное ранение брюшной полости по признаку опасности для жизни расценивается как тяжкий вред здоровью человека, и поэтому является причиной смерти В. Все остальные заболевания, в том числе: перитонит и спаечная болезнь, - являются фоновыми, и оценить их влияние на наступление смерти невозможно, поскольку предположения находятся за пределами области знаний судебной медицины.

Не уверен, что показания судмедэксперта способствуют правильному пониманию доказательственного значения заключения комплексной судебно-медицинской экспертизы.

Я прошу понять меня правильно. Сторона защиты не ставит под сомнение ни факт причинения В. колото-резанного ранения в область живота, ни то, что это ранение могло повлиять на наступление смерти В.

А умер он, как вы помните, через 3,5 месяца после ранения во время повторной госпитализации.

Ведь, если изложить вывод комиссии судебных медиков о причине смерти теми же словами, как записано в их заключении, но только без деепричастных оборотов, то получится, что: проникающее колото-резанное ранение брюшной полости с повреждением стенки тонкого кишечника осложнилось несостоятельностью швов тонкой кишки и гнойным перитонитом, при спаечной болезни из-за образования множественных межкишечных абсцессов развилась острая спаечная кишечная непроходимость с образованием тонкокишечного трубчатого свища и развитием гнойно-септических осложнений.

Предшествующее ранению заболевание «спаечная болезнь брюшной полости» могло создавать неблагоприятные условия для исхода травмы.

Судебный медик подтвердил, что В. до ранения страдал перитонитом и был госпитализирован по поводу нагноившейся вскрывшейся псевдокисты поджелудочной железы. В ходе операции было выявлено осложнение: распространённый серозно-фибринозный перитонит, перфорация язв тонкой кишки.

По мнению судмедэксперта оценить степень влияния этого заболевания на наступление смерти В. невозможно.

Но ведь именно на фоне этого заболевания развилось осложнение, от которого В. умер.

Сторона защиты считает, что невозможность оценить степень влияния перитонита на наступление смерти даёт основания усомниться в категоричности суждений эксперта и позволяет говорить о том, что причинно-следственная связь между ранением и смертью является не прямой, а опосредована именно спаечной болезнью, которой В. страдал до того, как получил телесные повреждения.

Уважаемые присяжные заседатели!

Подводя итог судебного следствия, я считаю, что факт причинения В. опасного для жизни ранения в область живота действительно имел место быть.

Считаю, также, что это ранение спровоцировало наступление смерти В. от осложнения хронического заболевания.

Однако то, что это ранение В. причинил Н., не доказано. И, соответственно, нет вины Н. в причинении тяжкого вреда здоровью В., повлёкшем по неосторожности смерть последнего.

Уважаемые присяжные заседатели!

Вы, вероятно, обратили внимание на то, что основную массу доказательств по уголовному делу представляет сторона обвинения. И это не связано с какими-либо преимуществами стороны обвинения перед стороной защиты. Наши процессуальные права равны.

Но у нас разные обязанности.

По закону бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту обвиняемого, лежит на стороне обвинения.

В статье 49 Конституции Российской Федерации заключено важнейшее завоевание демократического общества – принцип презумпции невиновности: обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, потому что все неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

Как оценивать доказательства с точки зрения уголовно-процессуального кодекса вам разъяснит уважаемый председательствующий в напутственном слове.

Я лишь хочу вас попросить об одном: судите об обстоятельствах дела только по тем сведениям, которые стали вам известны в ходе судебного следствия, не домысливайте. Если у вас возникнут сомнения в том, действительно ли события развивались так, как это увидела сторона обвинения, разрешите эти сомнения в пользу моего подзащитного.